

Анри Коломон

*Дама, Сердце,
Цветы
и Ягоды*

*из романа «Франсуа
и Мальвази»*

Анри Коломон

**Дама, Сердце, Цветы и Ягоды.
Из романа «Франсуа и Мальвази»**

«Издательские решения»

Коломон А.

Дама, Сердце, Цветы и Ягоды. Из романа «Франсуа и Мальвази» /
А. Коломон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501952-3

Ах, старина давнишняя, но в страстях всё такая же. Всё старое знакомое, но интересное, как могущее развиваться в тех обстоятельствах тех мест и времён. Необычных, надо сказать, в попадании на довольно дикий и суровый остров, всегда славившийся своими нравами.

ISBN 978-5-00-501952-3

© Коломон А.
© Издательские решения

Содержание

Дама, Сердце, Цветы и Ягоды	6
Часть. ...И Медные Трубы	7
Глава XXVI. Шандади	7
Глава XXX. О том как жили в Шандади	27
Часть III. Дама Сердца	31
Глава XXXI. О том как д'Обюссона встретили в Сан-Вито	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дама, Сердце, Цветы и Ягоды Из романа «Франсуа и Мальвази»

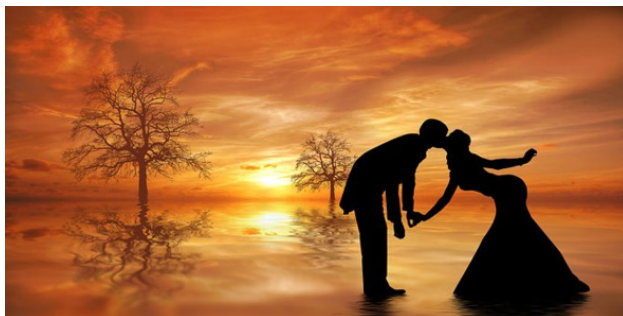
Анри Коломон

© Анри Коломон, 2019

ISBN 978-5-0050-1952-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дама, Сердце, Цветы и Ягоды

Часть. ...И Медные Трубы

Глава XXVI. Шандади

Впереди на пороге дорожной полосы перекатывались камушки, точнее их несомненно кто-то подкидывал сверху так, что они взлетали из-за порога нависающей дорожной обочины, представлявшей собой ступень вверх. Не похоже чтобы это рылся какой зверек, то была человеческая рука шутника. А они все в конной колонне находились на взводе и с ними было лучше не играть! И д'Обюссону, де Гассе с Рамаданом взади, де Феррану, де Сент-Люку... Эльяну и многим другим, видевшим происходящее было здесь не до шуток. Лица их посуровели, руки полезли взводить курки или к рукоятям холодного оружия. Первые осторожно тронули своих коней и под защитой пистолетных дул, стараясь как можно тише начали подъезжать к порожку. Франсуа д'Обюссон держался правой стороны и поэтому к нему ближе всего находился каменный барьер, который он и выбрал как первичную цель. Украдкой взглянул по сторонам.

В висках стучало тело, внутренне пружинясь, готовилось к прыжку наверх края, рука изготавливалась с выбросом пистолета от себя... камешки уже не прыгали!... Назревал момент!
...

...Сильный пронзительный кошачий визг потряс!...по крайней мере взмывших коней, нервы сдали, руки опустились; сверху полился заразительный хохот, раскатисто громкий, словно то от души хохотал сам Дьявол... Оттуда появилась шляпа, сразу же прострелянная... на клинке, и появился кот... под сомбреро с заломленными-переломленными полями, как у черной шляпы, которая была видимо показывающаяся-рабочая; черные усы, пряди волос выбивающихся на уши, и тем же цветом большие яркие глаза, внимательно осматривающиеся... Видя что более никто не стреляет человек во всем черном встал во весь рост. Деланно-вычурно затыкая свой длинный кинжал за пояс.

Несомненно являл он собою образ вольного разбойника, а его узкие в коленях, но с широкими гачами брюки вызвали у д'Обюссона невольную усмешку: «Ко-от!» наклонился поднять кончиком шпаги чей-то выроненный пистолет.

Они с интересом смотрели на него, он лукавым взглядом осматривал их. Вообще в виде этого человека было что-то отчаянное, разбойничье-вызывающее, и в то же время шальное и хмельное.

Черный человек снял перчатку с руки, и пригладил усы, кончая смеяться.

– Ох, и развеселили вы меня.

– В раю бы так досмеялся, – ответил д'Обюссон на его языке.

Снова взрыв хохота указывающий на то, что как раз это ему не грозит.

– ...Его преосвященство сеньор наш епископ отмахиваясь от меня кадиллом в руках вполне серьезно уверял что мне даже в ад дорога закрыта.

– Значит вы бандит?

– Ну нет, бандит – это совсем ничего не значит.

– Чем же ты вызвал недовольство епископа?

– Недовольство?... – рассеянно проговорил бандит, как будто задумался над тем, что значит это слово, или же думая о своем. – Ах недовольство!!... Может быть тем, что поймали его Преосвященство в одной церквушке и я напихал ему за шиворот склизких лягушек, которых он ужасно боится, или заставил прыгать из-под плетки?... А ну это все было после анафемы, до: я кажется вызвал у него недовольство тем что навтыкал ему в седелку иголок и он возвещал о муках своего христианнейшего зада громче, чем я сейчас хохочу!...

Хохот показа разносило слабое заглушенное эхо. Он бы и дальше продолжил свои бахвальства, если бы Франсуа не перебил его, заставив резко смолкнуть.

– Кто ты такой!?

– Кто такой я?!... Это на Сицилии известно каждому! Я – Урри, я – Мачете,¹ я бандит-одиночка! А вот кто такие вы?!... Вот в чем вопрос! Признавайтесь, как вам удалось улизнуть от поимщиков, через пещеры, вас защищали эти вот...?

Видно Урри, или Мачете узнал о вставшем в засаде английском линкоре, или как для него попросту корабле, раз уж назвал военных просто поимщиками, и по всей видимости был свидетелем сцены разыгравшейся в заливе, хотя бы как наблюдатель с гор, иначе бы не остановил их здесь, и не делал нарочитые выводы:

– Так значит вы контрабандисты! – продолжил строить предположения своим скрипящим голосом тот.

На ту беду подъехал всегдашний возмутитель естественного течения событий д'Олон, в ответ на «контрабандистов» назвавший того «проподлинной», морочащим им мозги, но впрочем не на сицилийском говоре. Друзья его не сразу смогли успокоить и оставив свою пушку в покое, которой намеревался запустить в «мерзавца» за неимением заряженного пистолета, а только разряженного. Не желая слушать «одиночку» и удивляясь как они еще могут с таким разговаривать, буйный в сегодняшний день граф удалился назад.

– Э! Друг темных углов, во-первых, полегче со словами, мы не терпим вольностей, а во-вторых, объясни что все это означает: горы, причалы, пещеры, куда мы попали?

– А-а! Вам объяснить куда вы попали? Что ж можно...

Мачете хлопнул в ладоши, топнув или наступив ногой и ему как по-волшебству прилетела снизу гитара, приставшая к рукам бандита так, как если бы это было обратным действием откидыванию. Слух приятно зарезала виртуозная варьирующая мелодия, исполняемая мастером своего дела с рьяным, бархатным голосом:

¹ [1] Длинный испанский нож.

Эта тишь и сушь

Здесь такая глушь

Не для робких душ!

.....

Шевалье д'Обюссон отпарировал:

– Эта тишь и глушь – не для наших душ! Нам нужно выбраться отсюда!...

В ответ также в песенной форме:

Дорога вдаль бежит

Не страшись пути!

Быстро едешь – не спеши!

Тихо едешь – не доедешь!

Слова, какими они не были наигранными, заставили призадуматься и почувствовать дух той обстановки в которую попали буквально только что с другой...

Как не душесчипателен был выступ Мачете, вышедшего из сей местности, посреди которой находились они, в ней спасаясь, но эти слова судя по всему могли быть сочинены и много веков назад, и много обращать внимание на них не стоило. Как только смолкли аккорды гитарной музыки, Мачете же прервал задумчивую тишину.

– Так что мотайте на ус, сеньоры! Я не знаю что вам здесь было нужно, но предупреждаю, что ежели вы не на хорошем счету у Монсеньора!... – нарочито заострил голос, – То вам стоит поостеречься!

– Кто такой Монсеньор? – спросил д'Обюссон.

– У нас на Сицилии есть один Монсеньор – это маркиз Спорада!

– Маркиз!? – как в ужасе от озарившей его мысли воскликнул шевалье д'Обюссон.

– Ну, да маркиз чего тут?!

Граф де Гассе обратил на друга пристальное внимание, вопрошая взглядом, но не добившись ответа спросил стараясь как можно тише и замысловатей:

– Я правильно понял, что этот маркиз Спорада... к которому у тебя нагорели счета?... В самое время нагрнуть в его гнездышко с судом и повесить как собаку!... Нас сотня и нам все нипочем, говори!

– Нет, ничего, я подумал совсем о другом, ты меня неправильно понял.

– Франсуа, признайся ты подумал об этом?! Не забывай у нас с д'Олоном также имеется к нему кое-какие счёты, за что ему стоит выпустить кишки. И если сейчас к этому не готов ты, мне графа не придется уговаривать!

– Граф, сейчас первое что нам нужно сделать это добраться до Палермо! – твердым тоном не терпящим возражений проговорил шевалье д'Обюссон, имея в этом вопросе прерогативу решений, и желая завершить тему добавил, – Потом видно будет. / Перевел взгляд на Мачете, который судя по глазам внимательно следил за разговором, на непонятном ему языке /...Послушай-ка, выходит ты здесь стрелянный воробей?

– Валяй без вступлений!

– Нам нужен проводник, мы хорошо заплатим.

– Неприемлю!...Деньги мне ваши ни к чему. Я, если мне что нужно, всегда выкладываю кинжал. Но вот отплатить мне... это ты хорошо придумал! Мне подошли бы для этого вот эти окуляры.

Шевалье Франсуа посмотрел на подзорную трубу, сложенную и привязанную к поясу.

– Дикарь...

За оптические стеклышки бандит-одиночка согласен был сделаться так нужным проводником, указав дорогу и подзорная труба полетела в его руки. Прежде всего он взглянул в нее вдаль, затем тут же на саму трубу, с недоумением. Догадался перевернуть и в течении пары минут осматривался вокруг. Понравилось, после чего он спросил куда провести?...

– Куда?!? – вскричал он после того как услышал куда в ответе и даже сделал машинальное невольное движение вернуть оплату, – ...Птьфу-у-ты!!! Какое Палермо, вас там всех перережут! Я ж вам что говорил? И меня туда же потащить захотели...

Шевалье д'Обюссон перевел взгляд рядом, глядя то на де Гассе, то на де Феррана, проговорил:

– Он говорит нас в Палермо всех перережут!

– А я уже больше ничему не удивляюсь, – вступил в разговор граф де Сент-Люк.

Недоуменное молчание, установившееся после этих слов прервал сам же Мачете, довольный произведенным его словами эффектом, рассказывая о том, как страшно в Палермо, где правит властный сюринтендант и только здесь в горах некоторое раздолье.

К словам бандита-одиночки стоило прислушаться, то говорил его жизненный опыт выживать, но д'Обюссон больше прислушивался к тому, что решали в его кругу.

– А! Знаю! Вы-французы! – догадался сверху Мачете, – И предупреждаю: здесь вам не тру-ва-ля!...

...И далее забубнил себе под нос что-то про тишину дальнего конца Портового замка / резануло слух! /, и сицилийскую вечерню.² Он конечно никакой корысти не имел, мог бы вывести и на Палермо, но советовал объезжать его десятыми дорогами и желательно вот такими бандитскими дорогами, как самыми безопасными.

Идентичное название больно кольнуло слух и Франсуа д'Обюссон решил окончательно положиться на мнение Мачете.

– Что, господа, может быть спросим у этого сеньора, что он скажет? Я вижу он горит желанием и только бескорыстно ждет когда его спросят? – говорил шевадье, чувствуя, что размышления у них зашли в тупик и вылились в пустое, без конкретных реалий, которые бы мог привнести разбойничавший в этой местности Урри. Господа на того хоть и сильно косились, но возражать не стали.

– Э! Ты можешь нам что-нибудь предложить??

– Обязательно! Вы же мне предложили проводником быть, окуляры дали. Я Вам предлагаю покинуть Сицилию по добру-поздорову. Баш-на баш.

– О-о! Сверху высказано цельное предложение убраться с Сицилии... Как снизу согласны?

– Конечно шевадье, – обратился к нему де Ферран, – С ним стоит поговорить посерьёзней. Этот парень может нас вывести в хорошие края, откуда мы сможем выбраться куда станет нужным. Не все же здесь «Сицилия». Поговорите с ним, сколько бы он не запросил...

...Последовал кивок головой, показывающий на излишность и ненужность бравурных слов, которых он не стал договаривать, дабы не ущемлять самолюбие д'Обюссона:

– Э, дражайший, значит баш-на баш? Но только теперь мы изменим очередность! Предлагай первым, а я посмотрю! Или вот что, приведи-ка нас в трактир для начала что ли, где бы мы могли хорошо поесть и отдохнуть, там и разберемся!

– Э-э! Сеньоры французы, поубавьте свои аппетиты! Здесь на дорогах трактиров не бывает, держи карман шире! Здесь кто пускается в путешествие должен брать с собой всё нужное и наоборот хозяев постоянных дворов кормить.

– ...???

– И в деревнях вы ни за какие деньги не сможете насытить ваши гурманнейшие желудки. Ни мяса, ни хлеба в них не осталось, после прошлогодних-то поборов. \Каких?! \ Разве что овощами какими попотчуют с зеленью и запить, пожалуй дадут наливочкой какой-нибудь подзрительной, а больше на такую араву не напросишься...

– Господа, плохи наши дела. Страна нищая и голодная. Трактиров нет, постоянные дворы сами кормятся за счет путешественников... Па!...

² [2] Восстание в XIII веке, по преданию начавшегося вечером, в ходе которого на Сицилии были перебиты все французы.

– Палермо нужно десятками дорогами объезжать! Сейчас я в него солью выстрелю, чтоб нас такие придурки-одиночки десятками дорогами объезжали в следующий раз. / де Гассе искал пути-выходы из загнанности в удивлённое состояние /.

Между тем Мачете продолжил, выждав когда все отхохочутся:

– Но вы мне точно нравитесь! С вами я горы сверну! Предлагаю прекрасный ночлег на эту ночь. Там и гульнуть можно будет, и скотом с провиантом на всю дорогу запастись, устраивает?... Не слышу всеобщего согласия! – обратился он громче уже ко всем.

Граф Сен-Жан заставил своих пушкарей кричать «Si».³

– Тогда вперед-вперед! На штурм в Шандадский замок!

Французы предполагая что им предложат какую-нибудь вполне сносную корчму у дороги, естественно смолкли от неожиданного предложения... Устремленная вглубь сицилийских дебрей рука с капитанской трубой осталась в неподдержанном призыве, ни криками, ни устремлением...

– Я имел ввиду замок, а не крепость, – произнес он презрительно улыбаясь и выждав приличествующий момент повернулся задом, всем своим видом показывая что он более не собирается иметь с ними дело.

Сзади уже негодуя кричали по услышанным и переведённым обрывкам слов:

– Штурмовать крепость для ночлега на одну единственную ночь, это нам может подойти?!...

– Он принимает нас за дураков!

– Да он просто решает нами какие-то свои дела!

Франсуа д'Обюссон держа пистолет дулом кверху остановил Мачете:

– Э! Ты кажется подумал что мы отказываемся настолько, что даже не желаем выслушать твоих разъяснений, раз повернулся задом? Клянусь я тебе его прострелю, если ты не изменишь своего мнения.

– Да нет же, ничего плохого я о вас не думаю, конечно же, успокойтесь только! Я ни на миг не сомневался о вашем согласии и повернулся идти к вам! – невольно отговаривался Мачете в затруднительном положении, чувствуя что чтобы он ни сказал, это вызовет недовольство, ни тех так других, – Там всего пол-сотни пьяных разбойников, сотня в деле сейчас!

Сзади, докуда доходили только отдельные слова, послышались ружейные выстрелы и более того усиленный рев возмущенного д'Олона с жестом руки «убрать».

– Шевалье, дайте мне пятьдесят луидоров! Я вас румяньким до куда угодно доведу, еще и заработаю на этом!!!

³ [3] Si (итал.) да

– Боже мой! – прошептал Мачете, пригинаясь и присвистнув / на дорогу выбежал его черный конь /, спрыгнув прямо в седло, понукнул, – Вперед!

Шевалье д'Обюссон тронул за ним и весь отряд французов последовал вослед. Их втянули ловко и невольно в какую-то новую авантюру. Но по дороге можно было поподробнее пораспрашивать и обсудить меж собой. Справа по ходу к ним неприметно присоединились еще два наездника в старых кожаных бурках, и подозрительные на вид, что давно и так уже значило: бандит-одиночка далеко не одинок.

– Признаться да, – говорил Мачете подначивая, – когда такие герои после бурных восторгов от поживы, смолкли в гробовой тишине и завозмущались, когда узнали что придется чуток пострелять, я подумал что далеко с вами не уедешь. У нас не постреляешь – не поешь!

– А чей это замок... Шандади?

– Чей же еще, когда ворота в нем всегда нараспашку! И туда захоже всякое отрепье.

После этих слов они долго ехали молча, погоняя рысцой, или же наоборот сдерживаясь, в зависимости от того как успевал хвост, представленный графом д'Олоном, а вернее хвостом той лошади что бежала за ним вслед натяжеле, обвешанная поклажей двух тонких стволов кулеврин.

У банды Мачете имелся при себе запасной четвертый конь, полностью взнузданный, и он был передан испытывающим наиболее острую нужду позади...

Дорога, или лучше сказать путь, потому что уже редко когда замечались следы полозьев, совершенно отсутствовала обочина, и полотно иногда представляло собой некогда влажную корочку, затвердевшую на солнце, от чего не пылила, а только ломалась на мелкие ломтики под массивными обросшими копытами коней. Порою встречались такие заросли и с кактусами, что непривычные французы никогда бы не решились прогнать среди них своих коней, не будь едущих впереди них бандитов.

Заметно было что они много поднимались и редко когда доводились спуски. Жара стояла нестерпимая и не перебиваемая даже ветерком на редких спусках, с которых уже не доводилось сгонять, так как взбитость поверхности почвы изобиловала различными кочками и рытвинами не давшими бы этого сделать. Впереди виделись еще большие горы, куда они неукоснительно забирались. Неожиданно справа из-за невысокой горки, заросшей кустарником, выскочила широкая уезженная меловая дорога, по сообщению Мачете идущая на Сан-Вито ло Капо, которое они видели с моря. Кому вспомнилось то бездумное безмятежное время перед тем что их поджидало?... Дорога уносила их вверх. Выше на подъеме она стала вовсе твердой, как каменные грунтовки, покрывающиеся налетом дорожной пыли.

Незаметно движущаяся конная процессия оказалась на дне глубокой впадины, зажатой со всех сторон стенами крутых склонов. По левую сторону до подножия холма, или даже еще ниже протянулась ложбина каменной реки в которой, казалось тек ручеек, но по всей видимости так только казалось, или же представлялось жаждущим рассудком. Жаждали не только люди, но и кони. Особенно сильно это проявилось при крутчайшем подъеме, где дорога после изгиба резко забиралась на кручу. Изнуренные мокрые от пота кони вяло передвигали оде-

ревневшими ногами и тяжело дышали, не в пример горским скакунам, легко возносившим своих наездников. Те так же выгодно отличались от усталых, запыхавшихся французов. Имея при себе фляжки с водой они ни разу не воспользовались ими, а Мачете заехав уже наполовину, не поленился повернуть коня обратно, видя как отстал граф д'Олон и что именно его заставляет плестись далеко взад.

Ведя на поводу лошадь со «сломанной» или только подбитой ногой, которая теперь могла только идти ужасно хромя, д'Олон с заботливым, измучившимся лицом повернулся, заметив перед собой Мачете, изготовившегося стрелять.

– Сломавшихся лошадей... кончают!

Мачете смотрел на него так, что граф оказавшийся беззащитным перед лицом бандита вполне мог бы соотнести эти слова и к поотставшему себе, от чего издав невнятный звук невольно отвернул глаза... Раздался выстрел: лошадь пала замертво, Мачете отъезжал обратно, а он, граф д'Олон на виду у всех остался в глупом положении.

С настороженным вниманием наблюдавшие французы видя что ничего страшного не произошло, устало обернулись назад и вся колонна тронулась дальше. Д'Олон погнался за ними, соглашаясь с тем, что конец у нее все равно один: не от пули так от сицилийского волка.

Достигнув самого гребня, откуда по идее должен бы был быть спуск, поехали по сравнительно ровной по горизонтали ленте дороги, с которой смотреть вниз через край спокойно было невозможно: далеко внизу пропасти виделись ранее не замеченные цитрусовые деревья, выделяющиеся темно-зелеными шариками крон; на противоположном склоне холма в невероятной крутизне разместилось небольшое серое глино-каменное строение пастуха.

Далее пошли более щадящие условия для езды. С дороги, которая шла во дворец они свернули. Путь пролегал по местам под легким уклоном и все больше вниз. Без особых затруднений пересекались заросли и пастбища. Вдобавок попался мутный жидкий ручей, к которому с особой жадностью припали конские головы, превратив его в несколько луж.

Мачете видя как Фернандо внимательно смотрит на то, как его конь потягивает в себя грязную жижу, понимающе кивнул, сказав по-испански:

– А мы люди!...Мы подождем...

И подождав еще с минуту, когда конская голова поднялась, деланно оттопырил борта куртки, присел на корточки, и опершись на длинные руки приложился к тому же месту...

Фернандо скриворотило и стошнило, всё сразу. И хотя жажда очень отразилась на его лице, незадачливого испанца невольно поворотило от такого упоения и под громкий гортанный хохот Мачете он с обескураженным видом поспешил увести коня.

Мачете долго хохотал вослед, затем остановившись задумчиво произнес: «Нет»...

В путь таких – не берут!

Про таких – не поют!

Он снял с пояса фляжку с водой и пустил по очереди, хоть по глотку промочить горло. Двум своим друзьям он показал сделать то же самое. Фляжки уходили в другую от Фернандо сторону и он не уважая себя, позорно поплелся под торжествующим многозначительным взглядом Мачете, в итоге не успел.

В следующий раз по словам проводника был сделан крюк и остановились они уже около многоводного ручья, вода в котором хоть и была мутной, но с поверхности ее никто не боялся пить.

...Совершенно того не ожидая взобрались с обочины на широкую меловую дорогу, сверкающую белизной на ярком еще свету. Под воздушной белой пылью чувствовался хороший естественный дренаж, не дававший ей раскиснуть во время дождей. При сравнительно быстром передвижении, которой колонна французов устремилась по дороге, временами поднималась большая пыль и поэтому чтобы не глотать ее зря, ими была занята вся ширина. Разбившись по цепям нестройной массой они вели путь по узкому равнинному коридору в общем-то называемому дорогой, которой можно было назвать так с большой натяжкой, но важен был сам факт того, что невысокие внутренние сицилийские горы протянулись по обе стороны на отдалении. Признаться никому не хотелось сворачивать с наезженного пути и торить новый, через ряды казалось непрерывных стен холмов с разрушающимися, обнаженными макушками, выветривающимися от известняка и песчаника.

– Vade Retro!⁴...Сатана, – проговорил неожиданно Мачете глядя в подозрную трубу. – Гляньте-ка что!

Ничего особенного д'Обюссон не увидел, разве что едущих навстречу вполне приличных людей... Непонятно только что в этом факте у Мачете могло вызвать столько эмоций? Видя что «встречи на дорогах» шевалье не волнуют бандит-одиночка после минутного всматривания в трубу на ходу коня подал предположение:

– О да, среди них никак едет сам монсеньор Спорада!? Это его люди.

У д'Обюссона хватило выдержки чтобы дернувшаяся за трубой рука осталась держать вожжу. Рассудив, что ежели едет – то обязательно приедет. И через очень короткое время он получил зрительный прибор, переданный де Гассе.

...Так он и знал!...Карета, столько сопровождающих людей верхом и все ради того чтобы в цельности довести то пестренькое, что потихоньку качалось в седле, разве что не свесив обе ножки по одну сторону, так называемо по-женски, злился он голодно и все не мог хорошо разглядеть лица, повернутого к пожилому всаднику, едущему рядом...

Грузный, седовласый и недобрый лицом старик прищуря глаза вглядывался вперед с видимым недовольством отразившемся в сильном нахмурировании морщинистого лба.

– Что такое??...Неужели марсальцы? – недоумевал он.

⁴ [4] Vade Retro (лат.) – начало названия латинской молитвы. Vade Retro Satanas – Изыди Сатана.

Едущая рядом молодая девушка повернулась и сделав паузу улыбаясь, почти смеясь произнесла:

– Разве князь де Бутера со своими марсальцами на дороге не так же любезен как на празднествах и балах-маскарадах у нас в Сан-Вито или во дворце Нормандов?

– Нормандов! – сварливо повторил старик. – На дорогах он хуже всяких нормандов! Поэтому я попрошу займите свое место в карете и задерните занавески.

– Скорее всего прятаться нужно вам! – вообще рассмеявшись звонко отпарировала она, на что пожилому сопровождающему пришлось смолчать, не найдя более приличествующих словесных форм для отдачи повторного приказа, и в любом случае прежде его внимание привлек подъехавший сзади паж, произведенный в этом месяце выше в форейторы, о чем свидетельствовал его новый зеленый костюм и пренаглые манеры, с какими молодец из-за его спины обратился к синьорине.

– Сестричка!

– А-а!?! – протянула она игриво томно.

– Прелестненький цветочек, красавица моя ненаглядная как солнышко ясное, отпусти меня, мне срочно нужно в это самое...

Голос Виттили недосказанно осекся на последнем слове, когда он заметил что за странное воинство приближается к ним навстречу... Его же сестричка: элегантная юная особа с величавой осанкой и гордо поставленной головкой, прелестно оформленной внешне, залилась таким звонким задорным смехом, что прическа, убранный корзинкой вверх затряслась бриллиантовыми подвесками с длинными вытянутыми камнями, ставшими мелко дробно стучаться друг о друга. Особенно что ее рассмешило было то, что Виттили, который появился под руку к разговору срочно захотелось в это /...ну как его там! / сразу как только выяснилось с кем им предстоит встретиться, вдобавок к его комичной клянчущей гримаске на лице. Хорошо зная лукавость своего «братца», а вернее мошенническое нутро, она предположила что не скоро его увидит. На всем пути до Сан-Вито можно найти массу причин почему и что ему помешало дослужить этот оплаченный наперед месяц сполна, и почему он вернулся без нового зеленого крепдешинового костюма с полосочками.

– Ну иди, – отпустила она, вволю насмеявшись и вспомнила, что хотела посмотреть на встречаемых мужчин. Однако ее снова отвлек противный старикан-чичисбей]⁵.

– Так!! Молодой человек!...Да вы! Коня оставьте! Оставьте, вам же только до первых кустов доехать нужно! Не чаєте же вы скакать от них до самого Алькамо, – опозорил он Виттили, скромно пытавшегося прихватить с собой и коня.

– Ну зачем так, не надо, ему же тоже нужно ездить, – заступилась за братца знатная синьорина, тем томным женским голосом, который звучит обычно под руку и не является чем-то обязательным, даже от столь знатной сеньоры.

⁵ [5] Чичисбей – должность в Италии в XVIII веке. Чичисбеями назначались люди старого возраста для надзора и сопровождения замужних дам.

– Ничего! Недалеко! И так дойти можно. – твёрдо настоял жёсткий старикан, отлично знавший о всех уловках и проделках юного негодяя, который уже известно как использует причину встречи с незнакомыми людьми, обозванными уже Нормандами наводяще. И осрамленный при всех Виттили под непрерывным наблюдением старика еще более смешался, когда за вожи цепко ухватился приставленный следить конюх; вынужденно слез с коня, передавая поводья: представившийся случай надо было использовать. Ему бы надо было дожидаться разезда со встречными, тогда бы исправилось дурное положение, которое несомненно за ним возникло в глазах людей из кавалькады, кои и сами побаивались предстоящего; и эту диспозицию он понял, попав в другое прямо-таки дурацкое положение из-за попытки спроедошничать на коня, когда оставшись с одним костюмом на поживу, ему и в самом деле пришлось уйти с дороги в «кусты» от греха подальше такой встречи в одиночку с этой конной шарагой при пушках, что заметно уже приблизилась.

Шевалье д'Обюссон заметил что Мачете что называется линяет, постепенно затесываясь в самую гущу.

– Приготовьте оружие! – скомандовал он задним, когда как передние вместе с ним обо всем уж договорились. С левого края была оставлена лазейка, но такая чтобы в нее невозможно было проехать, а впечатление о серьезности их намерений раньше времени не создавать. Меж тем оно шло, авангарды отряда и кавалькады сближались и сблизились настолько, что Франсуа сам себя поймал на желании разглядеть обладательницу синего платья из воздушного шелка и кашемирового плаща, перекинутого через руку, но ее не было видно из-за темной фигуры старика с широкой грудью намеренно прикрывавшего ее за собой. Не заметил как наступил момент: масса конных французов являвшая собой невозможность сузиться, заслоняя тем самым проезд разбухшей голове кавалькады, заставила приостановиться... и в этот самый лучезарный миг Франсуа увидел подавшаюся вперед на своем коне саму синьорину, ее лицо!...встретилось с ним и пленило светлым нежным видением женской прелести, устремленной к нему... Сколько длились эти светозарные мгновения?...невозможно было почувствовать, но как темная тень навалился, оттеняя ее собой старик чичисбей, заметивший нескромность своей подопечной. Закрывая собой и резко раздраженно придерживая ее коня, процедил сквозь зубы:

– Здесь нет его высочества!...

Но и находясь в стороне от нее на медленно переминающемся с ноги на ногу коне Франсуа заметил как она невольно и опасливо попыталась взглянуть чуть назад в его сторону, стараясь отыскать глазами того, кого она видела... как ему казалось. Но смутившись вида грозной рати, или же следящего за ней чичисбея опустила голову, повернувшись вперед. Тут ее вовсе закрыла собой фигура сопровождающего всадника, вместе с несколькими другими, составляющими головной костяк кавалькады, упорно пробивающийся по краю. Мачете откуда-то сзади крикнул: Его нет! Но и сам же крикнул в сторону кавалькады:

– Бей прихвостней-кампиери!

...Накаляя и без того наколенную обстановку; однако д'Олон с натянутым нагло-невидящим лицом перестал напирать на чичисбея, предоставляя дорогу. Заминка вызванная затормозившейся сама собой, когда французы разобравшись что делать проехали мимо.

Шевалье Франсуа испытывал сожаления, что не напер на ее сопровождавших, как д'Олон, тогда бы было намного лучше... увидеть вблизи, произвести впечатление, даже вызвать испуг, а то что она могла заметить, запомнить в нем так, может быть ствол пушки, на коем висела его нога и который находился как раз по ее сторону наискось?... Хотя нет, она не смогла просмотреть из-за скопления эту бравурную деталь с ним. Вместе с тем на его разгорающийся рассудок действовали сомнения: точно ли на него она смотрела и уже испытывал боязнь и ревность к тому что она просто разглядывала и могла смотреть на кого еще! Точно к этому кому-то испытывал чувство ревности. Но она посмотрела повторно!...вспомнилась премилая неудачная попытка встретиться с ним взглядом второй раз, когда она потеряла его из виду...

В передний ряд пристроился Мачете, беспардонно втиснувшись в промежуток около шевалье д'Обюссона, но вид у него был такой спешащий и естественный, что казалось по другому он не умеет.

– Пролет, не было его там, видел они даже двери у кареты открыли, меня заметили, собаки.

– Ты охотишься за ним?

– Уже на то похоже.

– В чем дело? – задумчиво задавал вопросы шевалье.

– Все дело в том что я живу и говорю по-испански, я Мачете и мое острие всегда неприятно щекотит местным заправилам брюхо, не перебарываю я этих скотов, вот пожалуй и все объяснения, еще разве что забыл сказать: наступаю лисе на хвост, когда они высовывает его из норы.

Шевалье Франсуа мало интересовала эта витиеватая жаргонистика объяснений... выждав паузу спросил:

– Что за девочка сидела там на коне?

– ...Это такая девочка там сидела такая, что к ней давно чичисбея представили с отрядом. Кто не знает нашей Мальвази! Княжна!!

Больше он ничего не собирался у него спрашивать, ибо спрашивал забеспокоившийся граф де Гассе.../ Мачете решил здесь свернуть с дороги вправо прямо в запримеченное местечко, когда с кавалькадой они разъехались на тридцать туазов.../

– Спроси у него, – обратился граф де Гассе к д'Обюссону, – В какие концы ведет эта дорога? / явно не желая с нее съезжать /.

Шевалье Франсуа спросил.

– В Алькамо! / указал еще вперед /...в Трапани! / указал рукой назад/ За Алькамо эта первая дорога на Палермо.

По виду графа можно было понять что он находится в полном недоумении зачем им ехать в дебри Сицилии\, когда казалось, вот рядом прекрасный прибрежный путь! Д'Обюссон не дожидаясь вопроса спросил Мачете о том и получил в ответ объяснение:

– Потому что Трапани есть город-полк – два полка! Тамошняя чернь только тем и живет что поддерживает епископу славу о городе: Трапани – неприступный! И вам его не взять!

Переводя на французский Франсуа д'Обюссон вдруг заметил куда их направляет выехавший наперед Мачете... На заросли низкого кустарника, которые по-видимому и вдохновили чичисбея на речь, никогда не изобиловавшую юмором, но сарказмом.

Их-то как раз тоже заметил Мачете и вел раздавшуюся во флангах конную массу людей, не желавшую пересекать островок зарослей вдоль, а объехать, тем более что сразу за кустами начиналась редко поросшая ими горка... Из заросли выпрямившись встал с корточек как кузнечик подвижный зелененький человечек и первые секунды замерев во взгляде: как бы еще ожидая что определиться точно ли на него едут? Определив что точно, повернулся задом и дал стрекача напролом через траву и кусты, а так же и через попавшуюся на пути горку, выбрав самое неудачное на ней место, где пришлось цепляться за травы и камни, и лезть! Взобравшись на гребне он оглянулся, обтекающая масса конного отряда надвигалась прямо на его горку, уже взбираясь по круче.

Виттили бросился наутек ещё выше!

Французских кавалеристов очень забавляло все то, что делает разбойничья душа Мачете и они не преминули взять сложное препятствие в очень неудобных условиях – даже вдвоем на коне, но первыми же забрались те, кто сидел на коне в одиночку. Спуск далее представлялся не крутой, но его-то как раз недооценил по-видимому, бегущий с испуганным рёвом типчик в зеленом, мелко и быстро передвигая ногами и хромая на одну, а так же и опускал руки, чтоб помогая себе приложиться к перемещению дальше, от чего казался еще ниже и вычурней, и в своем расхлябавшемся берейторском костюмчике, создававшим впечатление как великовато сшитого, раздувшегося по крайней мере.

С гиканьем и хохотом французы пустились на небольшом скаку за ним в направлении подошвы холма, которая в том месте, куда забегал бегущий со всех ног преследуемый, казалось как слившаяся со склона лава, толстый вязкий поток, который четко выделялся порогом над остальной землей. На него-то с усталого разбега и забежал с поднимаемым облаком пыли о жухлую траву насмерть испуганный берейтор, теряющий больше сил на само чувство страха. Скованный им, не чуя ни сердца, ни ног, Виттили вяло лез по склону с нервным испуганным рыданием, как слышал за собой ко всему прочему и выстрелы. Сердце его ёкнуло, он в бессилии что-либо поделать, решил сдаваться! Поворачиваясь, почувствовал беспомощность незнания того как это сделать для примирения или вообще вступить в дружбу? Дыхание сперло настолько, что тяжело было даже дышать, не то что кричать. Сердчишко так же прыгало в теле, когда при виде преследователей у него вдруг нашлись силы и он продолжил взбираться на кручу не жалея ни рук, ни ног.

Когда же Мачете увидел, что Виттили на вершине высокого холма снова оглянулся, надолго остановившись, чтобы осмотреться и отдышаться, то не давая отдышаться погнал своего коня за ним. Французы с интересом наблюдали, что будет дальше: Мачете продолжал брать на испуг гоном, все ближе подгоняя коня к подошве, а тем временем Виттили наверху не пове-

рилось в это и он стал подниматься ещё выше, чтобы с удобного и ещё более удалённого места убедиться в том. Но к своему ужасу заметил как уже высоко забрался Мачете, не слезая с коня. Тот достиг середины холма, проявляя образцы высокого мастерства, удерживаясь казалось на отвесно расположенной конской спине; как Виттили считавший себя спасённым взвыл, и явно с психу схватил первый попавшийся в руку камень и метнул. Наблюдавшие, крикнуть никто не успел, как Мачете увидел и при рывке коня точно выстрелил в разлетевшийся после этого известняк.

Среди восторженного смеха больше всего рассмеялся шевалье д'Обюссон:

– Горячие здесь люди!... Ты меня гонял, а вот на тебе, исдохни!

Меж тем на холме стало видно одного Мачете, который и сам чувствовалось испугался того, куда заехал и сейчас осторожно спускался, но с седла не слезил. Подъехал как ни в чем не бывало, увлекая за собой вперед. То была его жизнь и вертеться так приходилось постоянно.

Немного погодя они услышали далеко за собой долгий и протяжный срывающийся голос, которым до этого долго выли и рыдали, а потому не обидный.

– Ко-зел!

– Это кто? – спросил д'Обюссон.

– Это я! – ответил Мачете.

Тогда д'Обюссон потрудился взглянуть назад на вершину холма, на которой вновь находился тот психованный типчик, спускавшийся вослед «козлов» с особой злостью за разодранный испорченный костюм, за побитые подранные колени и руки, и за само вероломное действие, совершенное по отношению к его особе.

– Это дурачок Виттили, – рассеянно протянул Мачете, – молочный братец княжны... Не понимаю что он только делал возле дороги, обоссался что-ли?

Потянулись долгие мили затяжных скачек с короткими подъемами, вследствие удачного выбора пути проводящим, который казалось мог на своем сильном всепролазном коне черной масти, перескакать все преграды и препятствия вдоль. Мачете не знал устали и ничего удивительного в том не было, и то была сила привычки, то был образ жизни и он неплохо приспособился к той среде, в которой обитал. Всех же непривычных ко всему тому новичков это сильно выматывало.

Французы снова разбились в колонну, но теперь для большего удобства разбились по одному, так что получилась длинная растянувшаяся цепь, лентой вившаяся по долинам, и подошвам холмов, промеж них. Попадались участки когда ноги коней постоянно натывались на камни, спотыкались. Это значило рядом или кругом холмы с оголенными от гладкой устилки каменными основами, где только у вершин. Камни-известняки попадались всюду, там где им казалось бы нельзя было быть на всхолмленной, но приятно гладкой местности, используемой под пастбища, или же где редко возделываемой.

Постоянно попадались кактусы и их лепестковые силуэты с иголками создавали резкую контрастность и отличительную колоритность сицилийских дебрей, представленными ещё характерными колоритными запоминающимися гигантскими алоэ, словно хвощи – папоротники. Ковылевая трава всегда сохлого цвета, выше можжевельник, вытягивающийся словно свеча, и ели. Но основная зелень: поросшие рощами дуба, клена холмы, а ниже большие и небольшие сады тех же пастухов, отличающиеся сочной темной зеленью цитрусовых, и еще пальмы. Хватало глазу привычной, но позеленевшей с весной сери: заросли камыша по ложбинам, кустарника и кустарникового деревца. Грязные, мутные потоки речушек и ручьев, великолепные кроны пиний, голубые горы из-за дали кажущиеся такими. Опять: высокие алоэ с кисточками, кактусы, ковыль жухлой сухостойной травы, кустарник, заросли можжевельника, стада пасущихся овец; опять мутные ручьи, камыш, камыш в ложбинках, папоротники, камни, массивные необъятные тела холмов со склонами гладко подстриженными безводьем и лесом на широко раздавшемся верху, все эти поочередно мелькавшие виды порядком надоели, да и очень беспокоил желудок, когда Мачете подняв палец сказал: «Скоро!»

Они объезжали расплывчатый, но с обозначившейся шапкообразной макушкой зеленый холм с сердцами, преисполненными горячей отваги и нутром, желавшим поживы... за разрушающейся пологой стороной – сразу за которой находилось скопище вытянутых ввысь перистых скал как скелет, обветрившийся от песчаника, по песчаным рыхлым остаткам от которого в объезд каменного нагромождения, скакали их кони, глубоко проваливаясь копытами в мягкий желтый слой.

Мачете видя что французы на ходу приготавливают оружие к стрельбе в пару скачков своего коня вырвался значительно вперед и завернул, останавливаясь и останавливая весь отряд. Как-будто собираясь объяснить диспозицию, о которой его неудобно было спрашивать.

Из-за резко вычерченного края остроконечного каменного столба, торчавшего из песчаной почвы с наклоном от плотного скопища таких же и подобных скал был виден краешек высокой коричневой серости замковой стены... Мачете отбросил в сторону пистолет взял в левую руку кнут, тут же им щелкнув.

– Всыпать им по паре горячих – каждому!

И с этим призывом он погнал за край скалы влево по истоптанной конскими копытами дороге, туазов через тридцать достигающей параллельной ей стены замка и пролегая у самого фундамента, заходила наперед к воротам, которые не были видны. Но была видна верхняя часть высокой четырехгранной зубчатой башни, подпирающей эти ворота и возвышающейся над открытой крышей ближайшей к ним задней части Шандадского замка, имевшей дымовые трубы с заостренными колпаками и ближе к карнизу крыши – окна.

Все это шевалье д'Обюссон успел заметить при одном только внимательном взгляде, сразу как из-за края скалы перед ним предстала окружно замкнутая угловатая громада Шандади. Стремительно проносясь по дороге вдоль стены кони Мачете и Франсуа вырвались вперед, круто завернувшись у угла... ворота раскрыты настежь, стена башни; конные когорты французов одна за другой вносились за край воротного щита, все более заполняя внутренний двор и вначале не видя кроме своих никого больше, но по всему в подымавшейся пыли ощущая присутствие чье-то.

Перед тремя этажами окон фасада расположилась крытая хворостовыми ветками пристройка в которой за длинными столами пиروвало множество наемников-мафиози, еще не отошедших от гогота, как Мачете размахивая свистящей плеткой и хлеща попадающихся под руку, направил коня к ним с криком:

– Готовьте задницы, драные псы!

Неудержимый испанец залетел с седла через барьер вовнутрь пристройки, пинком наверх от себя стол и съезжая на пол вместе с сидящими на скамейке по эту сторону стола. Но он-то в отличие от этих грузных, набравшихся мешков подскочил отпружиненный той исключительной силой и ловкостью, которая заключалась в его теле... разя на лево и направо рукоятью, поочередно раздавая стеговые звонко хлещущие удары хлыстом, кидаясь в самую гущу.

Во внутрь пристройки заскочили и д'Обюссон с д'Олоном наверх пинком еще один стол на кушающих за ним, вконец завершая обстановку фарсом погрома. Из-за дощатых перил наружу начали один за другим вылетать, а кому вовремя дошло что сейчас будут сильно бить и чем попало, сам выпрыгивал через барьер, пока он еще не был проломлен от ударов д'Обюссона по морде. Д'Олон же хватал и выкидывал выше.

В хаосе суматохи шевалье на миг заметил того типа, к которому почти дорвался яростный Мачете, но которого отгаскивала пьяная толпа спасая, впрочем замеченно безрезультатно пытались оттащить визжавшие и ругавшиеся самыми последними словами две растрепанные девицы. Но спасаемый ими в пьяном угаре примечательный типаж с харей, наверное много раз допрашивавшейся кирпича вот также, казалось безнадежно увяз задом у стены, беспомощно пытаясь ухватиться протянутыми руками из-за прижатия столом. Его неимоверно длинные худые как палки ноги полусогнутыми коленями нависали перед мордой, еще более усложняя потуги подняться. И не могучи выбраться / Длинный / орал... орал сухим хрипящим басом букву «а», так как будто его резали, или же ребром перевернутого стола прищемили кончики пальцев ступни, предварительно навалившись на сам стол и может ещё что?

Шум-гам и гвалт возле него поднялся такой, что выразительное лицо Длинного, своей продолговатой открытостью, глянцево красное от загара, с выделяющимся длинным носом и большим раскрытым лошадно зубным ртом, казалось беззвучно застыло в этой гримасе.

Еще Франсуа что видел – пожилого плешивого толстяка продолжавшего еще сидеть в добром здравии за кувшином вина и пытавшегося попасть бумажным пыжом в дуло пистолета, и он конечно же не преминул расквасить ему обмякшие от усердия щеки. Последнее что д'Обюссон заметил, как бивший наотмашь и выкидывавший каждого попавшегося граф д'Олон звонко получил казанком по голове. Но отправить обратно не успел, в это время раздираемый на части Мачете вцепившимися в него, решил смерить свой пыл и перестал тягаться с толпой в старании перетянуть, резко подался в ее сторону от чего завалился вместе с ней посредством какого-то человеческого барана, давно уже валявшегося под ногами. Но то было лишь временное послабление, которое бандит-одиночка себе позволил чтобы дотянуться ногой до тонкого столба подпиравшего кровлю и сильным ударом ноги сбить его в сторону! Не сначала, но несколько позже, когда граф д'Олон определял кто ему устроил такую пакость, хворостовая настилка рухнула вниз вся как есть вместе с поддерживающими ее жердями, поднимая такой туман пыли и делая невозможным любое мало-мальски свободное продвижение. Но только лишь такой рассвирепевший черт, как он, смог вырваться из той каши-малаши из поослабших

в охвате рук и продрагаться сквозь плетеные пласты поверх, и разглядеть засыпавшегося в ветках Длинного, разгребая искомое.

– О! Мама мия! Урри не надо! – кричал засыпанный раскапывающийся, но тот был неумолим, схватив за волосы одним рывком поднял с опрокинутого кресла.

– Урри! Ты не посмеешь это сделать!

От сильного пинка Длинный выскочил на землю вместе с ветками и вынесенными им перилами, и тут же его за шкирку ухватила железная рука Мачете, да за неимением более плетки стегнул хворостиной.

– Ты не посмеешь, Урри! Дядю родного!

Но Урри посмел! А выбравшийся наружу д'Обюссон некоторое время наблюдал за тем как Мачете гонит долговязого на длинных тонких ногах, словно бы нарочно обтянутым трико, стегая его по жидкому заду, на что тот подставляя руки сиплым басом непрерывно кричал длинную же могущую быть в его исполнении букву «а-а».

К этому времени обваленный флигель почти покинули все, гонимые ударами плетью под дулами ружей далее. Из дверей внутренней части замка выгоняли уже не иначе как пленных, другого слова не скажешь, потому что Рамадан и другие с ним держали под прицелом прибывающих. Наконец в дверях и на крыльце появился сам граф де Гассе с сопровождавшими французами, что значило замок пуст. От бандитья-мафиози вычищена каждая комната, коридор, закуток.

– Вышвыриваем! Чтоб духу их здесь не было! – махнул д'Олон графу де Гассе относительно них.

И толпа стронувшись пошла, сталкиваясь с не меньшей массой людей, и коней. Образовавшуюся давку и свалку, а так же завязавшиеся кое-где драки в ответ на удары хлыста, разогнали шумом ружейных выстрелов. Под свист плетей и ржание метущихся коней, возле которых, под которыми выносились, выбирались позорно гонимые наемники сего Дуримаро. Наконец в створ ворот попали последние балдые, но и на этом гон не кончился. Двор освобожден так же и от части французов, которые не отставали в преследовании дальше.

Шевалье Франсуа почти сразу же вернулся назад, как только оказался за воротами, вспомнив что на длинном трехступенчатом крыльце завязывался интересовавший его разговор.

– Сколько их! Сотни полторы точно было! – сказал он подходя.

– В любом случае нас относительно их не надули, – проговорил граф де Гассе, смеясь вместе со всеми, смотря на двор, который постепенно опустевал от разнузданных коней, вводимых тут же в конюшню, находящуюся по левую сторону супротив башенке. Фернандо участвовавший в разведении усталых животных по стойлам, выходя из воротек крикнул оттуда:

– Сто коней!

Сотня коней и неприступный крепостной замок, особенно неприступный в руках таких французов и ореольцев, кои сейчас спокойно возвращались во двор усталые, после славного дельца. От чувства массивного и громоздкого, которое ощущалось от светло-коричневых стен с высокими зубцами и нависшим фасадом позади, граф де Гассе пришел в восторг.

– Господа! Шандади наш новый «Ореол»! Защита и опора.

В дверях к ним присоединился доктор д'Оровилл, кончивший осмотр внутренностей и вышедший из темного коридора к ним на свет, что и привело де Феррана ко мнению.

– Это снаружи так, а что внутри? Бандитское логово.

– Ну не скажите, – отозвался де Гассе, – На верхнем этаже покои не покои, мебе-лировка – шик, апартаменты! Меня туда с трудом пропу... Я туда с трудом пробился; просто удивительно что в этом бандитском гнезде как в Версале! – с жаром проговорив сразу же догадался сам почему там так, но д'Олон его успел опередить веселым тоном.

– Объяснение этому нужно искать в женщинах! Вы там их не нашли?!... Значит Спорادا со своими дружками возит их сюда с собой!

– Наконец-то после стольких дней и ночей мы выспимся спокойно как люди! Все осталось позади. / Де Гассе /

– Правильно! – поддержал д'Олон начатую тему, – Я предлагаю всем остаться здесь на недельку-другую, как следует отдохнуть и там в путь. А все это бандитье и близко здесь больше не покажется. А за капитана де Фретте Спорادا должен еще нам ответить!... Франсуа д'Обюссон подумал о том, что если бы д'Олон знал..., то решил бы всем оставаться, пока тот не будет вздернут на виселице; с этим он отвлекся от своих мыслей собираясь сказать:

– Господа! Взываю к вашему благоразумию! Легкая победа вскружила вам голову. Уверю вас что за этими стенами мы отнюдь не у бога за пазухой! В общем никаких недель, я сейчас же отправляюсь нанимать судно! Где Мачете?

– Пойдите же шевалье! – остановил его д'Оровилл вместе со всеми и главным образом с несогласным д'Олоном, – Как можно?! Вы не собираетесь отпраздновать с нами благополучное сошествие на землю? Ведь это же конец наших мытарств! Это непременно нужно отметить на нашем сухопутном «Ореоле». А вам снова в море; я признаться после него на земле еще не могу твердо стоять... А вы подумайте только как здесь нам можно гульнуть, на такую-то дармовщинку как Шандади. Его амбары, погреба, кладовые обыкновенно ломаются от всяческой контрабандной снеди, все дары востока и запада и какие я видел вина!... – говорил д'Оровилл с неприсущим ему пафосом, но под конец сбился, перейдя на частность в вожделенном тоне. Чувствовалось старикашка успел уже полазить и порыться. – Идемте лучше смотреть на трофеи.

– Тем более что Мачете убежал драть своего дядю родного! – с басовитым гоготом высказался д'Олон, подняв смех и в рядах кавалеристов, направившихся наверх вслед за ними.

Белые приветливые двери в конце узкого коридора были конечно же подпорчены вероломным вторжением графа де Гассе, которого заинтересовала стража разместившаяся по сте-

нам коридорчика, поэтому в приоткрытые двери публика прошла беспрепятственно, оказавшись в такой шикарной огромной зале, где всё, начиная от пола до самого потолка представлялось роскошным и даже излишне, но то, что не могло уже поместиться на стены, на мебель или же устланный коврами пол, то было упорядоченно наложено в объемные ящики. Изобилие этих роскошеств достигало таких размеров, что переваливало через край ящиков и устилало собою пол. Видимое напоминало что-то из сказок о сокровищах, склад того. Только разве что не было сундуков с золотом и камнем. Но шелков было ещё больше!

Франсуа д'Обюссон поднял один такой сверток прозрачного ценнейшего по выделке сукна, легко продев его в маленькое колечко ножниц. Развернули, отходивший ушел на восемь туазов!

– Ну, бабы! – услышали они за собой от вошедшего Мачете, продолжая тем не менее лазить в самую нутрь ящиков, где находились изящные предметы домашней утвари и вообще доселе невиданное. На редкость удивляло то, какая контрабандная снедь доставляется сюда с востока и французы не стеснялись показаться в восторженном свете, вслух восхищались вещицами, так и сяк разглядывая и вертя... вызвали у Мачете впечатление мародеров и свиней в апельсинах. Д'Обюссон переводил вслух безэмоционально, почти задумчиво занимаясь своим делом и не будь его посредничества, кто знает как бы они отнеслись, как бы отнесся к этим эпитетам д'Олон, не слыша их от шеваляе Франсуа, спокойно выговаривавшего это же самое и о себе.

– А там что? – спросили у Мачете показывая на семь или восемь закрытых на замок одностворчатых дверей в глубоких пролетах. Освещалась длинная зала со стороны двора от окон, забранных снаружи решетками.

– Это кладовые комнаты, там тоже самое с той лишь разницей что всем этим барахлом забито до потолка. —ответил Франсуа после бойкого баритона, повторяя довольно фальшиво, – Только не ломайте, есть ключи... Они в комнате главара заперты в секретере... ключ от секретера у главара висел на шее.

– ...А теперь он у меня! – отвечал Мачете со скрипящим фальцетом на каждый вопрос ровно на столько, на сколько он затрагивал неясности, и на последний с показом оногo.

– Так отдай его нам!

– Так, а жрать вы собираетесь?! Ворота закрывать нужно?! Уже вечер!! ... Чем копать в барахле, идемте смотреть на то что касается вас, вина, окорока, пленниц! – орал на них Мачете, последним вызвавший у серьезно внимавшего д'Олона визгливую усмешку одобрения, породившую затем хохот. Они пошли в комнату главара, чем-то отхватившую от великолепного убранства залы.

– А кто этот Длинный? – спросил д'Обюссон, когда Мачете открывал выпуклую чугунную дверцу.

– Дуримаро. – указывая на длинную вытянутую постель в этой комнате выпалил тот, – следующие две комнаты у него приемные; там жили его девочки и мальчики.

Всем скопом французы спустились в глубокие подвалы, представлявшие собой запертые смежные площади, заваленные съестным на любой вкус и в таком количестве, что для прохода оставались только маленькие дорожки, еще же и перемежающиеся крышками от погребов под ними! Вина, пряности, мука, мешки с орехами, белым зерном риса; здесь уже взрослых людей превратило в голодных детей... залезли в мед, и чтобы не портить у всех аппетита Мачете вывел их в тюремный коридор к заложницам... Правда никаких наложниц в камерах не оказалось, но оказался раздавшийся вокруг себя жирный дядюшка, грузную тушу которого с трудом протиснули в створ дверей.

– Папаша Бонанно!...из Калатафими. С вас хотели взять двести унций,⁶ но вы решили лучше поголодовать и потерять двести унций собственного жиру! – объяснил Мачете ажиотажным голосом, вызывая хохот. Более с ним разбираться было нечего, Мачете всунул ему в зубы прихваченную с собой обрезную ножку окорока, и пошли наверх.

Бертон с Экстером при поддержке аббата Витербо организовывали уже поотставших стаскивать на кухню необходимое. Ворота были уже закрыты, пристройку расчищали, началась подготовка к предстоящему празднику, и чтобы времяпрепровождение не тянулось без задних мыслей основная часть «французов» разошлась по коридорам и комнатам готовить ночлег. Впрочем это продолжалось недолго, стоило только занять свою постель, коих в светлых выбеленных комнатках было куда больше чем требовалось. Поднялась морока с перестиланием подозрительных лежбищ, коими пользовалось прежнее отребье. Когда из кладовых комнат залы перетаскивали контрабандное добро в одну, пришла мысль застилать постели темно-пестрой тканью парчи, которой было так много что она замучила. Мачете моментально предложил: «Шелком!» – протягивая оный в блестящих.

Наконец когда все было готово и приготовлено, господа-французы с Менорки расселись за длинные столы, расставленные по двору, пока еще не начало темнеть. И весь вечер с заходом на ночь при кострах подсвечиваемо и обогреваемо был проведен ими в самом наиприятнейшем духе.

⁶ [6] Золотая полновесная монета.

Глава XXX. О том как жили в Шандади

Весь последующий месяц Шандадский замок представлял из себя внутри огромный солдатский лазарет из комнат-палат, пахнувших различными лекарствами, бальзамами и запахами аптечки, которые выпускали от себя постели с тяжело ранеными и те кто мог ходить, но был и сам мотан-перемотан, и обильно сдобрен мазями. У графа де Гассе все тело начиная от головы до пояса было перемотано белой материей и рука получившая основной удар выстрела дробью, висела на повязке. Кольчуга в данном случае не помогла или помогла плохо. Но чем лежать, де Гассе предпочитал находиться в движении, лишь накинув на плечи некое восточное одеяние, очень напоминавшее европейский сюртук, но укороченный. И хотя аббат Витербо с доктором д'Оровиллом каждый раз перевязывая его, строго настроено приказывали лежать и как можно меньше шевелиться, эти правила лечебной практики, как им, так и многим другим не выполнялись вовсе, да и как можно было улежать, когда за окном чувствовался яркий солнечный день и деньская суета. И снаружи замкового корпуса Шандади представлялся таким же оживленным как и в день предшествовавший штурму. Однако не все остались живы до нынешних прекрасных дней, не многим более шестидесяти насчитывали теперь ряды французов, расставшихся со своими в церквушке и на кладбище ближайшего селения. Особенно большие потери понесли моряки, но коренастый здоровый Тендор и заметившийся бросатель лота Арман, выжили, оставшись с половиной из своей команды. Объяснялось сие соотношение тем, что им выпала участь защищаться против англичан и основной натиск второй части штурма с ними вступившаяся, так же пришелся на ту стену, где они стояли и выстояли, полягши почти все... Затем ещё должно быть умирали от заражений – бича того времени и жаркой погоды. Потом и кровью исходившиеся все были к доктору д'Оровиллу, но благодаря стараниям выше обозначившихся медиков, постепенно поднятые. Никто будучи доставленным на постель в руки доктора д'Оровилла не скончался после, какими бы тяжелыми и смертельными не казались полученные раны, в каком бы безысходном положении не пребывал принесенный раненный, ему самым наиболеестрейшим и наименее болезненным образом производилась операция по удалению пули и залечиванию раны. Ни каких заражений при том не случилось благодаря особым мазям-бальзамам. Но особенно много работы на всю оставшуюся часть ему и его сподручным пришлось производить после окончательного снятия осады, когда тяжело ранеными и убитыми оказалась заваленной вся стена примыкающая к башне, еще которую можно по праву назвать д'Олоновской – единственному, кто отделался ударом в лицо, по долго светившемуся потом месту. На других же участниках обороны изобиловали огнестрельные раны не предохраненные даже теми же сетками.

Та ночь представлялась кошмарной, тяжело раненных несли и вели один за одним; их казалось было больше, чем оставшихся невредимыми, это и было так на самом деле, потому что таковых и легко раненных осталась самая малость. Характерная черта: преобладание опасных ранений над смертельными может и объясняло то обстоятельство, что осажденные французы были хорошо защищены фортификацией и как никак и сетками..., но в пробитой во многих местах сетке-кольчуге вынесли со стен де Сент-Люка. Он умер на руках.

Смерть Монсеньора сыграла все же решающую роль в удержании замка за собой. Потом они ходили к скалам смотреть как все было в ту памятную ночь. Кто мог ползть, полз по тому пути, которому лезли Мачете и Франсуа. В этот раз шевалье показалось здесь все совершенно другим, нежели он представлял. В памяти его остались совершенно другие картины и впечатления. Днем же на свету пропадали и ощущения зажатости, и при взгляде вниз не черная темнота, а теньевые заросли акации и прочего кустарника, зеленого, но не густого, виделись им.

Каждый желающий имел возможность расположиться на том месте откуда велась стрельба.

Постепенно по мере все дальнейшего проживания в Шандади, жизнь французов все более и более чаще выходила наружу за рамки резко очерченные стенами и всегда запертыми воротами. Кроме тех двух раз, что они выезжали вместе с монахами-августинцами везти на похороны своих погибших товарищей и того раза, что массово выходили к скалам, их бытию постоянно приходилось сталкиваться с внешним пространством, попервой казавшимся враждебным и опасным. Ворота все чаще и чаще оказывались раскрытыми, выливая внутризамковую жизнь наружу, вместе с выгоном табуна выгуливаемых на поле перед воротами коней, каждый день. Так же каждодневно выезжали к ручью пополнять запасы свежей воды. Но постоянно, когда бы то ни было закрыты ворота или открыты, на башне и на крыше корпуса под тентом всенепременно был выставлен дежурный караул при смотрительном приборе графа.

Одинокое серо-коричневое сооружение Шандади, которое уже привычно было видеть со стороны, не казался теперь более островом, или как его называли «кораблем» в безбрежном оторванном пространстве... Из Калатафими прослышавшей через папашу Бонанно о новых владельцах замка и их отношении к нему, охотно привезли им требуемого фуража. Так однажды утром к ним в ворота постучались, но так тихо и ненастойчиво, что никто ничего не заметил. Стук «из-под низу» повторился опять. Со смотрового оконца башни выглянули и поглядев некоторое время в раздумии вниз, а потом по сторонам крикнули вниз чтобы оттуда убирались.

На третий настойчивый и продолжительный стук клюкой в добавок с недовольным ворчанием слабо вырывающимся из шамкающего рта Мачете обратил внимание и быстрым шагом поспешил к воротной калитке открывать, появившийся перед высоким порогом дед моментально отвесил ему удар клюкой по плечу.

– Пошто так долго не открывал? Столько ждать заставил! – пояснил дед. – Всегда открывай раз стучусь, – продолжал он в успокоившемся ворчливом тоне, опираясь на руку Мачете и с помощью его преодолевая высокий порог. Дед, в одежде библейских времен, холщовой и висящей полами до самой земли, волочась по ней ни слова больше не говоря пошел на дальний конец двора к расставленным столам. Длинная дедовская борода раскачивалась словно на ветру. Наблюдавшим за сценой встречи важного гостя Мачете пояснил кого они принимают. То был ни кто-нибудь а Люцифер-отшельник, по-видимому тоже в свое время известная на всю округу кличка. Франсуа и самого смех разобрал, когда он сказал находящимся поблизости перевод прозвища.

– То одиночка, то отшельник, – проговорил де Гассе, захлебываясь в сдерживаемом внутреннем смехе, прорывавшемся наружу сквозь нос.

Дед был усажен за стол и обслужен бесстрастно-услужливым Урри, поставившим перед ним чашку с водой с небрежностью присущей грубым мужским натурам. Сунул кусок хлеба. Затем сходил в корпус, и должно быть в погреба, раз принес оттуда ножку окорока, так же грохнул на стол и ножом стал состругивать с нее на столешницу тонкие ломтики. Затем собрав их в руку плюхнул в бульон. Эпитетом к такой обходительности могли бы послужить слова: «на, жри на здоровье!» И дед налегал на подсовываемое так, что казалось бы должно было

трещать за ушами. Окончив трапезу он благодарственно издал на лице благодушное выражение с беззубым ртом. В это же время из-за ворот вернулся Мачете.

– Все-то у вас здесь хорошо!... Вот если бы вы мне ружьишко выделили, было бы еще лучше! А то старое-то у меня вовсе прохудилось, с коих годков им воюю.

Мачете принес с оружейной новый и главное легкий пистолет, подал.

– Вот спасибо, – проговорил дед довольно, – А пули и порох у меня есть.

Теперь и ружье у него было, можно было прощаться, желать доброго здоровья и ступать своей дорогой до ослика, который привез его откуда-то из под Сегесты-развалин, где он жил и обрелся, как немного после разузнали действительно под самой Сегестой-амфитеатром, на горе, в тоннельчике, что выходит с самого боку трибуны от водослива, и кажется снова нанялся пасти у скотника его овец из овчарни, расположенной на том же холме, ниже.

Усадив деда на ослика, Мачете сунул ему вдобавок ножку окорока и отправил в обратную дорогу.

На следующий день после этого, граф д'Олон и с ним двое выздоровевших, кажется де Гассе и Бажоль собрались на охоту в дальние горные леса, пострелять какую-нибудь дичь, но все больше для того чтобы развеяться. Однако же вернулись они сравнительно скоро. Как оказалось не далеко уже до места охотничья тройка встретила с крестьянами, которые указывали на горы и предостерегали: «Дуримаро!». И д'Олон благополучно решил что такая охота в лесу напополам с шакалами мерзкая вещь, того и гляди на самого охотиться начнут. Еще что они узнали / Франсуа расспросил об этом поподробнее /, доброжелательные крестьяне на бахвальство д'Олона по поводу Монсеньора понимающе кивали головами, указывали в сторону Сан-Вито и показывали на пальцах «восемнадцать». Последнее герой Шандадской осады понять так и не смог, хотя немного понимал по общеитальянски. Ну разве что восемнадцать дней со смерти прошло и здесь традиционно именно этот срок отмечали. Говор крестьян ему вообще был не понятен. Шевалье Франсуа ещё предположил, что если говорят о дворце, указывая число восемнадцать, то это соотношение у крестьян может значить только одно: восемнадцатого числа в Сан-Вито устраивается празднество. С этим мнением он подошел справиться к Мачете.

– Не-ет, – возразил тот, – восемнадцать, это восемнадцать лет!... Исполняется нынче княжне Мальвази; а не число, которое к тому же уже давно прошло. Она первомайский цветочек.

– Стой, так это та девушка, которую провозили по дороге с целым эскортом? А почему Сан-Вито...?

– Здравствуйте с разездом!?! Она же кузена Монсеньора!

Ласковые воспоминания снова загорелись в нем и он решил непременно съездить к ней на празднество..., тем более что у них к ней нагорело множество неотложных вопросов!

– Так через сколько времени состоится это празднество?

– Точно сказать не могу, пойду посчитаю какое сегодня число, потом скажу. Но ты промазать не бойся. Всегда ее празднества растягиваются на два-три дня... А что говорить о совершеннолети, когда она стала взрослая и сама себе там хозяйка. Вот и давай, подъезь к ней.

Съездить к ней Франсуа решил и без подначиваний Мачете, и всю неделю, оставшуюся до долгожданного дня он провел в странном смещении чувств. Ему в голову постоянно лезли мысли из той обязательной части встречи, что должна пройти в конфиденциальном духе. Его французы, которых он от себя представлял, занимали ее Шандадский замок, который принадлежал ей еще по наследству от отца и практически хозяйничали на всем прилегающем к замку Шандадском владении. От Мачете он знал о корабле, которым прежде располагал и использовал маркиз Спорада. Предположительно предполагалось предложить обмен того на другое, если конечно он найдет в себе силы разговаривать с прекрасной княжной, у которой они до сей поры жили без единого намека на нежеланность, но и без единого знака внимания с ее стороны. И если так обернется разговор, то говорить с ней с позиции силы, заставляющей относиться к ним с большим вниманием. С другой стороны еще не зная как к ним отнесется эта принцесса из вражеского дома, который угас с его непосредственным участием, не посчитается ли ей за честь по здешним нравам устроить им кровавую вендетту? Совсем не зная ее, он чувствовал к оставшемуся у него в памяти образу необъяснимое чувство ревности, легкое, но способное вызвать в нем укор даже к тому, что она устроила большое празднество с многочисленным набором гостей и ухажеров. Так же его мучали опасения относительно ее самой: такая ли она есть на самом деле, какой казалась ему сейчас? У него возникло то впечатление, что это именно она, та которая ему так часто представлялась задолго прежде, как идеал. Внутреннее чувство подсказывало ему что именно ее образ, спокойной и прелестной женственности пленяет его разум и сердце... Но как часто случалось что первый нарисованный в представлении образ оказывался до крайности неверен, и так же возникавшие и долгое время теплившиеся чувства тотчас затухали с последующими взглядами на уже не то.

Так или иначе шевалье д'Обюссон потихоньку собирался на переговоры; раненные выздоровели настолько, что могли таковыми не считаться, разве что кроме де Эльяна, они все снова были на ногах.

Часть III. Дама Сердца

Глава XXXI. О том как д'Обюссона встретили в Сан-Вито

Ближе к полудню воротная калитка Шандадского замка приоткрылась выпустить вовне седока, выезжавшим из нее верхом на коне, чуть пригнув при этом голову. Приподняв же ее, он ощутил на себе приятно заслепившее глаза ласковое воздействие утра, еще сохранившего остатки ранней свежести в пасмурной ветренной погоде и сиявшее чистотой и небесной голубизной на отдалённом обозримом пространстве раскинувшимся перед ним вдаль. Дверь сзади закрылась и шевалье д'Обюссон или просто Франсуа засим наконец-то оказался вольно предоставленным самому себе и на самом начале этого пути, который постоянно его манил и звал, на который он столько раз чуть не срывался встать раньше времени и удерживался лишь благодаря желанию продлить свой визит предстоящим балом.

Наконец вырвавшись из тисков времени, отделавшись от назойливых вопросов по поводу сборов, могущих повлечь за собой попутчика, оставив все прочие неприятности позади, он со спокойной душой и беспокойным сердцем отправился в далекий путь во дворец, где царило праздное оживление и веселье и где он надеялся познакомиться с собой обожаемую хозяйку; сам-то он был знаком с каждой складочкой ее восхитительного тела, нежного и смуглого, еще неизведанного, не испробованной податливостью обнаженных девичьих прелестей, удовольствием полного обладания и эротических наслаждений с ней.

Он ехал ей навстречу, весь отдавшись во власть пламенного воображения, могущий поэтому ехать начало пути только конским шагом, выдерживая ходку коня, даже на спусках. Давно прошло то время, когда оглянувшись назад он с самого пологого места склона шапкообразного холма в последний раз увидел Шандади, устремившись далее по следам вытоптанном уходящими англичанами, и до сих самых пор, оказавшись на поднятии, далеко позади среди массы вершин узнавал знакомую выпуклыми очертаниями синеватую шапку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.